

УДК 1(091) + 165.12

**ЗНАЧЕНИЕ КРИТИКИ
«НОВОГО
ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕ-
СКОГО ЗАКОНА»
А. И. ВВЕДЕНСКОГО
В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ**

П. А. Владимиров*

Проводится историко-философский анализ критики «нового психофизиологического» закона А.И. Введенского. Рассмотрены наиболее основательные критические замечания русских философов, среди которых стоит отметить публикации П.Е. Астафьева, Н.Я. Грота, Л.М. Лопатина, Э.Л. Радлова, С.Н. Трубецкого. С их участием в конце XIX в. разворачивается активная дискуссия на страницах научных изданий. Основной темой обсуждения стали положения из работы «О пределах и признаках одушевления», опубликованные тезисами в 16-й книге журнала «Вопросы философии и психологии». А.И. Введенский, формулируя закон «отсутствия объективных признаков одушевления», затрагивает вопросы, относящиеся не только к области философии сознания, но и вскрывает нарастающие противоречия в русской философии, обусловленные развитием естественно-научного знания при сохраняющемся господстве идей религиозной философии. Русский философ посредством применения критицизма пытается выявить метафизические начала в научном знании с целью их устранения, сохраняя лишь особое поле критической метафизики, которая занимается вопросами, выходящими за границы доступного рационального познания. Такой подход к роли метафизики, а также проведение линии разделения предметной области философии и психологии при условии необходимости цельного знания стали причинами негативной критики «нового психофизиологического закона».

Выделяется позиция А.И. Введенского, прослеживаемая во всем его последующем творчестве, — постановка задачи о необходимости создания цельного миропонимания, включающего наличие ответов на все феномены человеческого существования, в том числе и традиционно относящихся к предметам вненаучного знания.

Дается характеристика творчества А.И. Введенского и роли в развитии русской критической философии. Постулируется положение о том, что анализ полемики представляет интерес не только как факт исторического развития русской философской мысли, но и позволяет иначе рассмотреть круг тех проблем, которые возникают при попытке создания средств объективного и достоверного познания в философии и науке, что потенциально

* Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

410012, Саратовская обл., Саратов, ул. Астраханская, 83

Поступила в редакцию: 03.11.2016 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2017-1-5

© Владимиров П. А., 2017

объединяет их предметно-исследовательскую деятельность. Приводятся основания, согласно которым его философские воззрения можно отнести к неокантианству, что демонстрирует их специфику и актуальность для последующего историко-философского анализа.

Ключевые слова: трансцендентальная философия, Введенский, русское неокантианство, критицизм, новый психофизиологический закон.

Конец XIX в. ознаменовал новый этап в развитии русской философии, связанный с растущим вниманием к вопросам теории познания и психологии. Повышается интерес к проблемам «Другого Я», объективности восприятия субъекта познания, достоверности рационального и эмпирического знания. В результате складываются условия столкновения двух различных стратегий философствования: с одной стороны, преобладает традиция русской религиозной философии, с другой — увеличивается влияние идей материализма, психологические теории начинают тяготеть к механистическому объяснению явлений человеческого сознания. В этих условиях возникает потребность в строгой научной методологии, разграничивающей область философии, психологии и метафизики¹. Критицизм удовлетворяет этим требованиям, сохраняя специфику философского дискурса и обозначая его границы.

А. И. Введенский, используя критицизм, пытается разрешить вопросы, встающие в формирующейся предметной области философии сознания. Исследуя возможность наличия объективных признаков чужого одушевления, он вызывает активную дискуссию. Одной из причин проявленного интереса к этой теме со стороны русских философов служит поднятая проблема необходимости разделения предметной области философии и психологии. Последняя включает в себя эмпирическое знание, поэтому ее выводы согласно критической теории познания не могут являться достаточным основанием для построения теоретической системы. В свою очередь, философия должна выстраиваться на достоверных и обоснованных положениях, исключая метафизические предположения, берущиеся в качестве безошибочных догматов или теоретических оснований умозрительных систем.

С 1892 г. на страницах научных журналов «Вестник Европы», «Журнал народного просвещения», «Русское Обозрение» и «Вопросы философии и психологии» развернулась активная дискуссия в области психофизиологии и философии сознания. Причиной полемики стала публикация А. И. Введенским работы «О пределах и признаках одушевления» (1892), в которой предметом исследования выступает сознание и возможность его познания. Был сформулирован «закон отсутствия объективных признаков одушевления», раскрывающий основные проблемы, связанные с объективным пониманием феномена сознания, его наличием у «других» индивидов и возможностью рационального доказательства его существования. В полемике, вызванной этой работой, принимают участие многие отечественные философы различных направлений: Л. М. Лопатин, Н. Я. Грот, С. Н. Трубецкой, Э. Л. Радлов, П. Е. Астафьев. Вследствие этого особый интерес для нашего

¹ Л. С. Сироткина отмечает, что «Приоритетными в научной рефлексии оказались вопросы методологических оснований, в первую очередь, выяснения отношений положительной психологии и метафизики, а также методов исследования психических явлений». См.: Сироткина Л. С. Теоретические компоненты образа психологии в русской логико-философской мысли конца 19 в. (в контексте проблемы психологизма русской логики конца 19 в. — начала 20 вв.) // РАЦИО.ru. 2015. №15. С. 218.

исследования (и в рамках русской философии в целом) представляет позиция А.И. Введенского, который при рассмотрении вопросов философии сознания использует методологию трансцендентальной философии и средства логики для обозначения критерия научности и объективности знания.

В работе «О пределах и признаках одушевления: новый психофизиологический закон в связи с вопросом о возможности метафизики» были изложены основные положения А.И. Введенского в вопросе о возможности существования объективного и достоверного метафизического знания. В состав такого знания он также включает проблему рационального объяснения наличия сознания как особого феномена, присущего только человеку. Этот труд был издан частями в номерах «Журнала Министерства народного просвещения» за 1892 г., а затем выходит отдельным изданием, где имеет системный характер и сжатость изложения, вследствие чего активно обсуждается и получает широкое распространение в научном сообществе. Приоритетной задачей исследования у А.И. Введенского ставится «определение, как именно каждый из нас проверяет свое убеждение, что, кроме него, есть душевная жизнь и у других существ, хотя можно наблюдать не ее саму, а только сопутствующие ей телесные явления» (Введенский, 2012, с. 3). При разрешении поставленной задачи используется методология критической философии, и было заявлено два предположения: объективно наблюдаемые явления не могут служить признаком наличия одушевления, и логическое умозаключение существования чужой душевной жизни по принципу аналогии — ошибочно. Н.О. Лосский, выделяя работу А.И. Введенского «О пределах и признаках одушевления» и отмечая ее значимость, пишет: «В своем трактате Введенский наглядно показывает, что кантовская теория познания не может научно доказать наличие психической жизни в других. Он также приходит к выводу о том, что признание этого акта является актом веры, требуемым нашим нравственным сознанием» (Лосский, 2007, с. 219).

Содержание «закона об отсутствии объективных признаков одушевления» можно свести к трем главным положениям: 1) исходя из возможностей познавательной деятельности и опыта, позволительно «отрицать существование душевной жизни всюду, кроме самого себя», и таким образом признание «чужого одушевления» есть трансцендентно-метафизическое положение; 2) при отрицании достоверности теоретического метафизического знания и эмпирической недоказуемости (с позиции гносеологии) наличия признаков «чужого одушевления», единственным способом его обнаружения является нравственное чувство; 3) существует несомненная уверенность в наличии «чужой душевной жизни», которая не служит объективным знанием, но может быть обоснована с помощью метода нравственных постулатов в рамках критической философии, что требует признания примата нравственного долга и целесообразности создания критической метафизики.

Обсуждение работы А.И. Введенского состоялась на заседании Московского психологического общества, результаты были отмечены в «Протоколе заседания от 12 декабря 1892 г.»² В возникшей дискуссии принимают участие П.Е. Астафьев, Н.В. Бугаев, П.А. Каленов и Н.Я. Грот. Также свои

² См.: *Вопросы философии и психологии*, январь 1893 г., кн. 16, раздел: Психологическое Общество. Заседания ХСIII—ХСVII с 31 октября по 21 декабря 1892 г. С. 110—119.

рассуждения в отдельном докладе на тему «существование чужого одушевления» и возможности ее объективных признаков изложил Л.М. Лопатин. Подводя итоги дискуссии, Н.Я. Грот формулирует 11 тезисов против теории А.И. Введенского, где исходит из предположения о возможности включения процесса художественного творчества в предметную область психологии. Наибольший интерес представляет первый тезис, указывающий, что чужая душевная жизнь представима не только в объективных внешних признаках, то есть через непосредственные ощущения, но и раскрывается во внутреннем содержании посредством рефлексии внешних впечатлений в непосредственное внутреннее содержание, которое может быть объективно выражено в художественном творчестве. Если чужое одушевление имеет объективное представление через созерцание произведений искусства, значит, имеется достоверно зафиксированный факт и признаки его существования. Согласно мнению А.И. Введенского, положения, выводимые исходя из результатов интуитивного постижения мира или акта художественного творения, имеют субъективный характер и относятся к метафизическим, а не к научно обоснованным, достоверность которых опровергается в рамках теории познания с помощью средств логического анализа. Поэтому художественное творчество не может служить примером обоснования объективности чужого одушевления или быть необходимым следствием проявления разумной деятельности, так как процесс творения и создания предметов искусства не поддается рациональному обоснованию и выражению в строгой логической последовательности, что служит необходимым критерием для достоверного знания, претендующего на всеобщность. Л.С. Сироткина указывает, что одним из ключевых моментов философии психологии Н.Я. Грота стал «синтетический характер представлений о связи метафизики и эмпирики в истолковании оснований психологии» (Сироткина, 2015, с. 212). Подобное объединение для А.И. Введенского является неприемлемым, так как он настаивает на невозможности выстраивания научного знания посредством метафизики и тем более ее синтеза с эмпирическим опытом. Сущности метафизического и психологического знания различны и несовместимы, метафизика — компонент целостного знания о мире, но не наука.

Точки зрения А.И. Введенского и Н.Я. Грота относительно возможности использования психологии для разрешения задач теории познания резко различаются, но их исследовательский интерес направлен на общий объект, а именно на взаимоотношение рационального и иррационального в рамках создания целостного мировоззрения. Их объединяет общая цель — достижение всестороннего миропонимания, что подразумевает рассмотрение всего многообразия человеческого существования. Н.Я. Грот, высказывая свою позицию о важности всеохватывающего понимания бытия, ссылаясь на В. Вундта, пишет: «Психология как специальная наука дает только самый важный материал, а отчасти и метод для уяснения некоторой части проблемы жизни. Но вместе с тем для всестороннего разрешения этой задачи необходимо привлечь к делу все выводы и учения других специальных наук и попытаться этим путем построить цельное, чуждое логических противоречий, учение о мире и о жизни, способное удовлетворить не только требованиям нашего ума, но и запросам нашего сердца» (Грот, 1889, с. 9).

Продолжением дискуссии, начатой на заседании Московского психологического общества, стало издание ряда критических статей, ставящих

под сомнение достоверность «закона отсутствия объективных признаков чужого одушевления». Среди авторов, негативно воспринявших работу «О пределах и признаках одушевления» и участвовавших в ее обсуждении, был П.Е. Астафьев, который не только предоставил на заседании доклад («Разбор положений А.И. Введенского в связи с его книгой: "О пределах и признаках одушевления". СПб., 1892»), опровергающий «новый психофизиологический закон», но и указал на несостоятельность философии А.И. Введенского в своей книге «Вера и Знание: в единстве мировоззрения». Наибольший интерес в этой работе П.А. Астафьева представляет 11-я глава, получившая название «Задача и естественное начало философии», где непосредственно приводится критика учения А.И. Введенского и ссылка на его работу «О пределах и признаках одушевления».

В этой главе Астафьев описывает цель и задачи философии, ее специфику в качестве мировоззрения, отличие от специально-научного, частного знания. «Специальность, строго выдержанная односторонность, ясно сознающая пределы своей частной задачи и ее ограниченного значения в целом строе умственного, — необходимые, существенные признаки научно-дисциплинированного ума в области частных наук» (Астафьев, 1893, с. 100). Философия же должна преодолевать ограниченность частного знания, устраняя границы, которые неизбежно устанавливаются между различными направлениями научного знания, соответствующего рациональным критериям объективности и достоверности. Продолжая дискуссию, философ отрицательно характеризует положение А.И. Введенского о том, что метафизика не создает объективного теоретического знания и не может претендовать на научную достоверность. П.Е. Астафьев подчеркивает тот момент, что «нравственное чувство» должно отождествляться с теоретической истиной, что невозможно при отрицании за метафизикой возможности создания достоверного теоретического знания. После приведения аргументов против целесообразности отделения метафизики от философии и ориентирования на примат науки он делает итоговое заключение, направленное против неокантианцев, о том, что «страстно отвергая всякую метафизику и отстаивая неприкосновенность своей будто бы чисто научной почвы, они не могут удержаться на ней, и поразительно легко являются тем более необузданными и беспорядочными метафизиками, что их метафизика — неясносознающая себя, свои цели и средства» (Астафьев, 1893, с. 109). Заметим, что такая позиция, отрицающая возможность целостного знания в философии, достигаемого посредством применения строго научных методов, и непринятие необходимости ограничения области познания, обусловлена разницей в понимании значения философии.

Основная критика в адрес «нового психофизиологического закона» изложена С.Н. Трубецким в статье «К вопросу о признаках сознания». Философом делается вывод, что при формулировании закона «отсутствия объективных признаков чужого одушевления» А.И. Введенский основывается на учении А. Ланге и, развивая его, высказывает положение о субъективности любого представления о чужом одушевлении. С.Н. Трубецкой отмечает, что если у «чужой сознательной жизни» как предмета отсутствуют объективные признаки, то он не может чему-либо подчиняться либо стать частью эмпирического обобщения. Способ объяснить «убежденность в существовании чужого одушевления» с помощью особого органа познания — нравственного чувства, вызывает у автора сомнения, так как приводит к

методу «нравственной» метафизики и противоречит попытке ее устранения из философии как достоверного знания. Постулируя необходимость существования нравственного чувства как особого органа познания, А.И. Введенский поступает аналогично И. Канту, который формирует область практического разума для обоснования безусловной необходимости долга.

Прежде всего С.Н. Трубецкой проводит свою критику по двум основаниям. Первое — двусмысленность применения понятий «сознание», «одушевление» и «душа». Второе — А.И. Введенский «злоупотребляет постулатами практического разума, что приводит к искажению метода Канта» (Трубецкой, 1893, с. 101) и, соответственно, делает невозможным достоверные выводы. В работе «О пределах и признаках одушевления», действительно, отсутствуют определения и демаркация понятий «сознание», «одушевление» и «душа». А.И. Введенский отмечает, что разделение этих понятий используется исключительно для удобства изложения, так как сфера психологии исключается из исследования, которое проводится только в рамках критической философии. С.Н. Трубецкой в связи с этим справедливо замечает, что с позиции критической философии точное употребление терминов имеет особое значение, а подобные допущения могут приводить к ошибочной трактовке выводов исследования.

В очерке «Неудачный метафизик», опубликованном в разделе «Заметки» I тома «Вестника Европы» за 1893 г., Э.Л. Радлов опровергает достоверность принципа отсутствия объективных признаков одушевления, упрекая А.И. Введенского не только в неуместном применении формальной логики, но и в создании новой метафизики, содержащей догматические основания. Такая метафизика концептуально выстраивается на неоспоримом метафизическом положении — недоказуемой, но и неопровержимой вере в одушевление других людей. Из этого положения делается вывод, что А.И. Введенский пытается найти основания для «создания твердой системы метафизики» (Радлов, 1893 а, с. 900). При этом Э.Л. Радлов не разъясняет значение метафизики в философских воззрениях русского неокантианца. Согласно А.И. Введенскому, метафизика не может претендовать на область научного знания или стать строгой наукой, то есть она не продуцирует знание, которое отвечает критериям научной достоверности. Но русским неокантианцем ставится задача достижения цельного миропонимания, и поскольку возникающие метафизические вопросы требуют своего разрешения, постольку необходим особый способ достоверного постижения бытия. Таким методом стал критический анализ, применяемый к вопросам метафизики с целью устранения из нее догматизма и нахождения прочного основания, которым будут являться постулаты нравственного чувства.

Далее Э.Л. Радлов критикует утверждение А.И. Введенского о несостоятельности отнесения «нравственной обязанности» к логической необходимости и указывает на противоречие в его ходе рассуждений. Интерпретируя обязательность нравственного долга как необходимость и безусловную истину, Э.Л. Радлов приходит к выводу о том, что нравственное чувство есть логическая аксиома. Принятие положения без проверки на достоверность и объективность ведет к установлению догматов, что неприемлемо в условиях критической философии и противоречит ее задачам. Нравственное чувство выступает объективным следствием принципа долженствования и основанием убежденности в существовании чужого оду-

шевления. Таким образом, как видим, следование нравственному долгу является самоочевидным достоверным положением, не требующим доказательства, и нравственная обязательность сводится к логической необходимости. Если обязательность нравственного долга и, соответственно, нравственного чувства можно редуцировать к системе логических постулатов, которые будут иметь рациональный и объективный характер, то должны иметься теоретические основания существования объективных признаков одушевления, что противоречит выводам русского неокантианца.

А.И. Введенский, отвечая на критику Э.Л. Радлова, справедливо замечает, что если обязательность нравственного долга постулируется как достоверное и недоказуемое положение, то из этого не следует, что оно приравнивается к логической аксиоме. Использование логики как средства анализа правильности хода рассуждения и последующих выводов целесообразно, но чрезмерное отождествление инструментов логики с философскими понятиями приводит к идеализации системы и ее отстранению от возможности расширения знания. Заметим, что русский неокантианец использует логику как средство проверки правильности хода рассуждения и его пригодности для получения достоверного знания, что позднее будет отмечено им в работе «Логика как часть теории познания», где в третьем переиздании вводится метод «логицизма»³, имплицитно присутствующий в его более ранних работах. Подобное использование логики в процессе аргументации своих положений стало причиной критических возражений Э.Л. Радлова, указывающих на аксиоматизации исходных предположений, используемых для доказательства закона отсутствия объективных признаков одушевления. Но Э.Л. Радлов отмечает, что сочинения А.И. Введенского, в частности работа «О пределах и признаках одушевления», заслуживают внимания и представляют интерес для исследователей, а также способствуют распространению кантианской мысли в русской философии.

Реакцией А.И. Введенского на критику стала публикация им статьи «Вторичный вызов на спор о законе одушевления и ответ противникам» в 18-й книге «Вопросов философии и психологии», послужившей ответом оппонентам, но также имплицитно дополняющей содержание «нового психофизиологического закона». В этой статье приведены возражения преимущественно С.Л. Трубецкому и Э.Л. Радлову, которые упрекаются в «смешении гносеологической точки зрения с психологической» (Введенский, 1996, с. 125). Положения, построенные на аргументах из сферы экспериментальной психологии, не могут стать средством опровержения теоретических выводов, сделанных при помощи логического доказательства. Позднее, в 1914 г. в работе «Психология без всякой метафизики», А.И. Введенским будет отмечено, что следует различать рассмотрение предметов с психологической и логической точек зрения, что только с позиции логики достигается объективная достоверность, в то время как психология не может создать объективного знания из понятий (Введенский, 2013, с. 174).

После вышедшей статьи «Вторичный вызов на спор о законе одушевления и ответ противникам» в 19-й книге «Вопросов философии и психологии», в разделе «Полемика», Э.Л. Радлов издает «Ответ проф. А.И. Введенскому». Цитируя три основных положения А.И. Введенского, соглашается с первым из них. Э.Л. Радлов признает отрицание объективных при-

³ А.И. Введенский вводит определение «логицизма» в предисловии к третьему изданию «Логика как части теории познания» (2014).

знаков одушевления, кроме себя, сознающего субъекта. Философ согласен, что любое утверждение о наличии сознательной деятельности является трансцендентно-метафизическим положением, но «признание чужого одушевления вне нас вероятнее, чем отрицание его» (Радлов, 1893б, с. 105). Следующим положением, вызывающим наибольшие споры, стал постулат о нравственном чувстве как единственном средстве обнаружения чужого одушевления. Э.Л. Радлов критикует это исходное положение, считая его теоретически недостоверным, так как существование нравственного чувства не может быть доказано средствами рационального познания. Опровергается и последнее положение, согласно которому только критический метод является целесообразным для построения трансцендентальной метафизики. Более того, Э.Л. Радлов настаивает, как и ранее в очерке «Неудачный метафизик», на противоречии в доказательстве нравственного долга у А.И. Введенского и в критической философии в целом. Если нравственный долг определяется в качестве безоговорочного постулата, то ошибочно отрицать его тождественность логической аксиоме. Философ указывает, что если «нравственная обязанность не может быть выведена с логической необходимостью, то все же утверждение, что обязательность нравственного долга есть истина, составляет превращение его в аксиому» (Радлов, 1893б, с. 107). Как видим, теоретическая истина приравнивается к логической исходя из предположения о том, что постулаты нравственного чувства и нравственного долга принимаются безоговорочно и не имеют доказательства, то есть отстаивается идея аксиоматизации всей теории А.И. Введенского.

В этом же номере журнала «Вопросы философии и психологии» Л.М. Лопатин в статье «Новый психофизиологический закон г. Введенского» печатает свои замечания, высказанные ранее на заседании Московского психологического общества, а также дополняет их содержанием новыми аргументами. Необходимость в разъяснении своих замечаний появляется вследствие публикации А.И. Введенским «Вторичного вызова на спор о законе одушевления и ответ противникам», где критика «нового психофизиологического закона» признается несостоятельной.

Несмотря на заявленный критический характер своей работы, Лопатин соглашается с положением А.И. Введенского о том, что сознание — это «только сопровождающее обстоятельство физических процессов, строго обусловленное ими в своем содержании, но их, со своей стороны, никак не обуславливающее» (Лопатин, 1893, с. 62). Но автор подвергает сомнению объективность аргументов, обосновывающих достоверность «нового психофизиологического закона». Во-первых, от предположения или вероятности нельзя перейти к действительности факта; во-вторых, доказательство заключений делается исходя из предварительного допущения их истинности.

Аргументируя свои замечания, Л.М. Лопатин приводит спор «догматика» и «скептика» из работы «О пределах и признаках одушевления», где отстаивается одна из противоположных точек зрения относительно объективности «закона одушевления». Подмечается односторонность позиции «скептика» в вопросе о возможности чужого одушевления и отсутствие объективности со стороны А.И. Введенского в приводимых примерах. Лопатин указывает на то, что, исходя из недоказанного положения об отсутствии влияния душевной жизни на телесную, делается вывод об абсолютном отсутствии проявлений сознания в материальном бытии. Обращается внимание на поспешность обобщения исходной посылки: «Ведь из невоз-

возможности бесспорно доказать влияние сознания на действия людей и животных следует только возможность сомневаться в этом влиянии, но как же, только на этом основании, без дальнейших околичностей утверждать, что такое влияние совсем не существует, что это нужно признать непоколебимым законом положительной науки?» (Лопатин, 1893, с. 65). Лопатин стоит на позиции принятия за истинное знание только тех рассуждений, которые могут согласовываться с фактами положительной науки и неоднократно упоминает о том, что нет оснований эмпирически подтверждать «новый психофизиологический закон». Но А. И. Введенский не стремится к эмпирической обоснованности, считая область подобных вопросов недостижимой для прикладных наук, и констатирует тезис о необходимости критической метафизики. В этом случае подобные задачи решаются, исходя из особых познавательных способностей, объективно присутствующих в бытии любого разумного существа, а именно нравственного и метафизического чувства. Лопатин отмечает, что такая трактовка, исключая возможность решения проблемы чужого одушевления в положительных науках, не может стать основанием для его объективности. Если принимать «закон одушевления» только как гносеологический, то нельзя утверждать о какой-либо взаимосвязи между физическими и психическими процессами, так как для этого требуется абсолютно достоверный эмпирический факт, принимающийся за теоретическую истину, что невозможно вследствие непризнания Введенским абсолютной объективности эмпирического знания.

Критические замечания Л. М. Лопатина и остальных участников дискуссии в отношении А. И. Введенского в вопросе об объективности психофизиологического закона вызваны в большей степени не наличием противоречий в аргументации и ходе его рассуждения, а различием во взглядах на цель и задачи философии. С нашей точки зрения, заслуживает внимания тот факт, что объективной критике подвергается не столько вывод, то есть сформулированный закон отсутствия объективных признаков одушевления А. И. Введенского, сколько следствия из его содержания:

1) безусловная необходимость нравственных требований, что является в критицизме русского неокантианца основанием для доказательства существования нравственного чувства;

2) невозможность представить чужую сознательную жизнь именно как «чужую», то есть любое представление о чужой душевной жизни делается по аналогии со своей, в процессе распространения своей осознанности действий на действия других индивидов, и этот процесс обозначается у Введенского как «представление чужой душевной жизни»;

3) признание метафизики в качестве неопровержимой, но и недоказуемой веры.

Результатом и завершением дискуссии стали выпущенные статьи А. И. Введенского «О видах веры в ее отношении к знанию» и «Условия допустимости веры в ее отношении к знанию», а также «Спор о свободе воли перед судом критической философии», в которых рассматриваются вопросы, требующиеся для разъяснения и дополнения рассуждений, высказанных в работе «О пределах и признаках одушевления». В статье «О видах веры в ее отношении к знанию» приводится важное для понимания существования «уверенности» в чужое одушевление разделение веры на наивную, догматическую, критическую и отдельно — религиозную. В данном случае именно устранение догматической и наивной веры есть цель кри-

тической метафизики, так как «уверенность» в наличии «нравственного чувства» — вера критическая в противоположность догматической, не ставящей под сомнения кажущиеся очевидными положения, в частности вопрос о возможности достоверно теоретически доказать наличие сознания у окружающих индивидов. Исследование вопросов объективности познания и рассмотрение феномена сознания сопряжены с областью знания, которая выходит за рамки возможного рационального обоснования, поэтому попытка на основании строгой методологии дать решающий ответ, удовлетворяющий критериям научности, является сложной задачей. Введенский попытался это сделать в строгой научной форме и задал новое пространство для последующей дискуссии как в философии, так и в области естествознания, в частности в вопросах о причинах и мотивах, побуждающих выстраивать мировоззрение, исходя из «уверенности» и «убежденности», которые не проверяются сознанием на правильность хода мышления, а принимаются догматически, как само собой разумеющиеся априорные правила.

Особая роль «нового психофизиологического» закона в критической философии А. И. Введенского была отмечена А. В. Малиновым. Он условно членит содержательное разделение работы «О пределах и признаках одушевления» на две части: «антиметафизическая в первой части и метафизическая — во второй» (Малинов, 2013 с. 128). Такой подход к работе русского философа позволяет сфокусироваться на его методологии исследования и выявить критерии, по которым с необходимостью постулируется критическая метафизика как неотъемлемая часть знания.

В философии А. И. Введенского также заслуживает внимания рассмотрение причины, побудившей его обратиться к исследованию проблемы наличия объективных признаков чужого одушевления. Во-первых, русский неокантианец пытается достичь цельного миропонимания, то есть философии, способной охватить все вопросы, возникающие в процессе человеческого существования. Во-вторых, разрешить возникающую проблему познания — достижение объективного и всеобщего знания, то есть объединение областей научного и вненаучного знания при условии сохранения линии различия между рациональностью и иррациональностью⁴ в процессе познания.

Широкий спектр вопросов, затронутых А. И. Введенским, отвечал духу критической русской философии, где в центр обсуждения ставились проблемы человеческого существования, отдавался приоритет построению целостного мировоззрения, уделялось немало внимания сознанию и феномену веры, затрагивались проблемы этики. При этом русский неокантианец всегда придерживался рационализма и выстраивал свои рассуждения согласно методологии кантовского критицизма. Философию А. И. Введенского можно отнести к моменту зарождения русской неокантианской мысли. При сохранении общности подхода к решению вопроса о возможности достижения всеобщего и необходимого знания меняется угол рассмотрения, ставятся новые проблемы, коренным образом изменяется способ их

⁴ Можно провести сравнение позиции А. И. Введенского со взглядами В. Э. Сеземана, высказанными им в статье «Рациональное и иррациональное в системе философии», где констатируется положение, что только философия, создающая свои принципы и методы познания, учитывающая корреляции рационального и иррационального, способна охватить «безбрежный океан объективной действительности» (Сеземан, 1911, с. 96).

решения. Подчеркивающий этот подход к критицизму Канта в творчестве его русского последователя В.Н. Белов отмечает, что можно выделить несколько моментов, позволяющих обозначить философию А.И. Введенского скорее как неокантианскую: 1) устранение метафизики из области научного знания и возможного знания; 2) «лишение вещи в себе каких бы то ни было объективных характеристик»; 3) отличную от кантианства трактовку «опыта данности», ощущения и представления, пространства и времени (Белов, 2013, с. 85). Стоит упомянуть еще один момент в исследовательской деятельности А.И. Введенского, выходящий за пределы кантовской философии, а именно использование логицизма⁵. Это подразумевает не только применение инструментария формальной логики для выведения объективного знания, но и соблюдение строгой последовательности в ходе рассуждения с целью устранения возможности использования метафизических положений в философии.

Таким образом, А.И. Введенский, формулируя «новый психофизиологический закон», переносит вопросы философии сознания в предметную область критической философии, при этом используется метод логицизма, то есть вводится новый критерий проверки на достоверность результатов исследования. Рассмотрение критических замечаний, направленных против объективности «закона одушевления», выявляет круг проблем, возникающих в результате неявного объединения различных сфер знания. В первую очередь это касается попытки объединения психологии и философии, что и вызвало негативную критику в адрес А.И. Введенского со стороны его оппонентов, которые в своих аргументах употребляли примеры, взятые из области прикладной психологии, либо отстаивали механистическое толкование сознательной деятельности человека. Соответственно, не может остаться без внимания явно возникающий разрыв между прикладными науками и теоретическим знанием, что обуславливает внимание А.И. Введенского к проблеме соотношения научного и вненаучного знания, что и становится причиной утверждения области критической метафизики, необходимо дополняющей знание о мире до его целостности.

Следует констатировать, что основная цель русского философа — это достижение цельного миропонимания, то есть демонстрация с помощью философии того, какими способами возможно получить всеохватывающее знание о мире, удовлетворяющее критериям объективности и исходящее из доступных средств рационального познания.

Список литературы

1. Астафьев П.Е. Вера и Знание в единстве мировоззрения (опыт начала критической монадологии). М., 1893.
2. Белов В.Н. А.И. Введенский — родоначальник русского неокантианства // Неокантианство в России: Александр Иванович Введенский, Иван Иванович Лапшин. М., 2013. С. 74—93.
3. Введенский А.И. Вторичный вызов на спор о законе одушевления и ответ противникам // Вопросы философии и психологии. М., 1893. Кн. 18. С. 120—148.
4. Введенский А.И. О пределах и признаках одушевления // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1892. Ч. 281. С. 73—112.

⁵ «Логицизм» представляется как один из ключевых моментов, позволяющих причислять философию А.И. Введенского к неокантианской мысли (Малинов, Осипов, 2005).

5. Введенский А.И. Логика как часть теории познания. М., 2014.
6. Введенский А.И. О пределах и признаках одушевления. М., 2012.
7. Введенский А.И. Опыт построения теории материи на принципах критической философии. М., 2011.
8. Введенский А.И. Психология без всякой метафизики. М., 2013.
9. Введенский А.И. Статьи по философии. СПб., 1996.
10. Грот Н.Я. О задачах журнала // Вопросы философии и психологии. М., 1889. Кн. 1. С. 1–20.
11. Лопатин Л.М. Новый психофизиологический закон г. Введенского // Вопросы философии и психологии. М., 1893. Кн. 19. С. 60–81.
12. Лосский Н.О. История русской философии. М., 2007. С. 213–223.
13. Малинов А.В., Осипов И.Д. Логицизм А.И. Введенского в историко-философском освещении // Актуальность И. Канта. СПб., 2005. С. 299–310.
14. Малинов А.В. «Психо-физический закон» А.И. Введенского и его критики // Неокантианство в России: Александр Иванович Введенский, Иван Иванович Лапшин. М., 2013. С. 127–154.
15. Радлов Э.Л. Неудачный метафизик // Вестник Европы. СПб., 1893а. Т. 1. С. 898–912.
16. Радлов Э.Л. Ответ проф. Введенскому // Вопросы философии и психологии. М., 1893б. Кн. 19. С. 105–109.
17. Сеземан В.Э. Рациональное и иррациональное в системе философии // Логос. М., 1911. Кн. 1. С. 93–122.
18. Сироткина Л.С. Теоретические компоненты образа психологии в русской логико-философской мысли конца 19 в. (в контексте проблемы психологизма русской логики конца 19 – начала 20 в.) // РАЦИО.ru. 2015. №15. С. 196–221.
19. Трубецкой С.Н. К вопросу о признаках сознания (А. Введенский: О пределах и признаках одушевления) // Вопросы философии и психологии. М., 1893. Кн. 16. С. 97–109.

Об авторе

Павел Анатольевич Владимиров – аспирант философского факультета Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, vladimirov_p_a@mail.ru

THE SIGNIFICANCE OF THE CRITIQUE OF A.I. VVEDENSKY'S 'NEW PSYCHOPHYSIOLOGICAL LAW' FOR RUSSIAN PHILOSOPHY

P. Vladimirov

This article analyses the historical and philosophical critique of A.I. Vvedensky's 'new psychophysiological' law. The author examines the most substantial commentaries, namely, those by P.E. Astafyev, N.Y. Grot, L.M. Lopatin, E.L. Radlov, and S.N. Trubetskoy. At the end of the 19th century, these authors contributed to an active discussion in the pages of scientific journals. The discussion focused on the ideas expressed in the work On the Limits and Characteristics of Becoming Conscious, which was published in the form of theses in book 16 of the journal Problems of Philosophy and Psychology. Through formulating the law of the absence of objective evidence of becoming consciousness, Vvedensky did not only raise issues relating to philosophy of mind but also pointed to the growing contradictions in Russian philosophy caused by the development of scientific knowledge amid the dominance of religious philosophy. Using the tools of criticism, the Russian philosopher identified the metaphysical origins in scientific knowledge in order to eliminate them, although preserving the particular critical field of metaphysics dealing with issues transcending the available rational knowledge. Such an approach to the role of metaphysics, as well as demarcation of the border between philosophy and psychology amid the need for coherent knowledge provoked sharp criticism.

The author describes Vvedensky's position, which can be traced in all of his later works. Its central elements is the need to create a coherent understanding of the world providing answers to all the phenomena of human existence, including those traditionally interpreted as objects of non-scientific knowledge.

In the conclusion, the author focuses on the characteristics of Vvedensky's oeuvre and its role in the development of Russian critical philosophy. It is postulated that an analysis of the discussion not only is interesting as a fact in the history of Russian philosophical thought but it also gives a new perspective on the problems arising with attempts to create a means for attaining objective and reliable knowledge in philosophy and science, which potentially unites them within research. It is proven that Vvedensky's philosophical ideas can be classed as Neo-Kantian, which emphasises their unique features and relevance for further historical and philosophical analysis.

Key words: transcendental philosophy, Vvedensky, Russian Neo-Kantianism, new psychophysiological law.

Reference

1. Astafiev, P.E. 1893, *Vera i Znanie v edinstve mirovozzreniya (opit nachala kriticheskoj monadologii)* [Faith and Knowledge in the unity of Outlook (the experience of the early critical monadologie)], Moscow.

2. Belov, V.N. 2013, Vvedensky – rodonachalnik russkovo neokantianstva [Vvedensky – the founder of Russian neo-Kantianism], *Neokantianstvo v Rossii: Aleksandr Ivanovich Vvedensky, Ivan Ivanovich Lapshin* [Neo-Kantianism in Russia: Alexander Vvedensky, Ivan Lapshin], P. 74–93, Moscow.

3. Vvedensky, A.I. 1893, Vtorichnij vizov na cpor o zakone oduschevleniy i otvet protivnikam [Secondary call to dispute about the law of animation and response to the opponents], *Voprosi filosofii i psihologii* [Questions of philosophy and psychology], Vol. 18, p. 120–148, Moscow.

4. Vvedensky, A.I. 2014, *Logika kak chas't teorii poznaniya* [The logic as part of the theory of knowledge], Moscow.

5. Vvedensky, A.I. 2012, *O predelah i priznakah oduschevoleniya* [The limits and signs of animation], Moscow.

6. Vvedensky, A.I. 2011, *Opit postroeniya teorii materii na kriticheskoj filosofii* [The experience of building a theory of matter on the principles of critical philosophy], Moscow.

7. Vvedensky, A.I. 1892, O predelah i priznakah oduschevleniya [The limits and signs of animation], *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of national education], vol. CCLXXXI, p. 73–112, St Petersburg.

8. Vvedensky, A.I. 2013, *Psihologiya bez vsyakoj metafiziki* [The psychology without any metaphysics], Moscow.

9. Vvedensky, A.I. 1996, *Stat'ei po filosofii* [Articles on philosophy], St Petersburg.

10. Grot, N.Y. 1889, O zadachah zhurnala [The mission of the journal], *Voprosi filosofii i psihologii* [Questions of philosophy and psychology], Vol. 1, p. 1–20, Moscow.

11. Lopatin, L.M. 1893, Novij psihofiziologicheskij zakon g. Vvedenskogo [A new physiological law Vvedensky], *Voprosi filosofii i psihologii* [Questions of philosophy and psychology], Vol. 19, p. 60–81, Moscow.

12. Lossky, N.O. 2007, *Istoriya russkoj filosofii* [History of Russian philosophy], P. 213–223, Moscow.

13. Malinov, A.V. Osipov, I.D. 2005, *Logizizm A.I. Vvedenskovo v istoriko – filosofskom osvyschenii* [The logicism of Vvedensky A.I. in historical and philosophical light], P. 299–310, Moscow.

14. Malinov, A.V. 2013, «Psiho-fizicheski zakon» A.I. Vvedenskovo i ego kritiki [“Psycho – physical law” A.I. Vvedensky and his critics], *Neokantianstvo v Rossii: Aleksandr Ivanovich Vvedensky, Ivan Ivanovich Lapshin* [Neo-Kantianism in Russia: Alexander Vvedensky, Ivan Lapshin], P. 127–154, Moscow.

15. Radlov, E.L. 1893, Neudachnij metafizik [Failed metaphysician], *Vestnik Evropi* [Herald Of Europe], Vol. 1, p. 898–912.

16. Radlov, E.L. 1893, Otvet proff. Vvedenskomu [The answer of Prof. Vvedensky], *Voprosi filosofii i psihologii* [Questions of philosophy and psychology], Vol. 19, p. 105–109, Moscow.

17. Sezeman, V.S. 1911, Rationalnoe i irrationalnoev sisteme filosofii [The rational and the irrational in the system of philosophy], *Logos* [Logos], Vol. 1, p. 93–122, Moscow.

18. Sirotkina, L.S. 2015, Teoreticheskie komponenti obraza psihologii v russkoi logiko-filosofskoi misli kontsa 19 v. (v kontekste problem psilogizma russkoi logiki 19 v. – nachala 20 vv.) [The theoretical components of the image of psychology in the Russian-logical philosophy of the late 19th century. (In the context of Russian psychology of logic end of the 19th century – early 20th century)], *Раццо. ru* [Ratio. ru], no. 15, p. 196–221.

19. Trubetskoy, S.N. 1893, K voprosu o priznakah soznaniy (A. Vvedensky: O prede-lah i priznakah oduschevleniya) [To the question about the signs of consciousness (A. Vvedensky: On the limits and signs of animation)], *Voprosi filosofii i psihologii* [Questions of philosophy and psychology], Vol. 16, p. 97–109, Moscow.

About the author

Pavel Vladimirov, PhD student, Faculty of Philosophy, N.G. Chernyshevsky Saratov State University, vladimirov_p_a@mail.ru